

Ци Вэй еще не успел сообразить, о какой именно ванфэй идет речь, как услышал, что тот намерен проверять Ши Цзиньчжуна и дело с провиантом. В нем тут же вспыхнул гнев:

— Вина очевидна, что тут еще проверять?! Пока вы всё досконально не разберете да не выдадите провизию, воины Яньчжоу уже с голоду помрут!

— Ци Вэй! — раздался за спиной властный мужской голос.

Сяо Чжигэ только-только вернулся и, едва услышав, что провиант прибыл, помчался сюда, даже не успев снять доспехи. Он никак не ожидал услышать у дверей разговор юйши-дафу Цзи Аньминя и Ци Вэя.

Окликнув и остановив Ци Вэя, Сяо Чжигэ отдал свое копье из черного железа солдату у дверей и решительно шагнул внутрь. Его голос опережал шаги:

— Господин Цзи, хотите проверять — проверяйте, но этот провиант нельзя...

Фраза оборвалась на полуслове. Заметив того, кто сидел подле Цзи Аньминя, он мгновенно лишился дара речи.

Лишь спустя долгое мгновение он тяжело и хрипло произнес:

— Как ты здесь оказался?

Ань Чанцин с той самой секунды, как услышал его голос, не сводил глаз с дверей. Лишь присутствие посторонних уберегло его от порыва вскочить на ноги.

Мужчина сильно исхудал и выглядел изнуренным. Видимо, только что вернулся с поля боя — на щеках и доспехах еще не высохли пятна крови, а на штанинах темнели широкие буро-красные потеки. Когда он подошел ближе, в воздухе отчетливо закружился слабый запах крови.

Ань Чанцин впервые видел его таким — осунувшимся, но грозным, в окропленных кровью доспехах, с взором острым, точно лезвие клинка.

Это был генерал, защищавший рубежи Да Е. И его генерал.

Ань Чанцин медленно моргнул. В горле пересохло, и голос прозвучал глухо и сипло:

— Я услышал, что в Яньчжоу не хватает провианта, и привез его тебе. Правда, удалось собрать пока только сорок тысяч даней. Еще двадцать тысяч задерживаются, Те Ху доставит их позже.

Сяо Чжигэ сразу все понял. Реакцию императора Аньцина он предвидел заранее, иначе не стал бы отправлять людей одалживать зерно в Лянчжоу и Чэньчжоу. Вот только он никак не ожидал, что ванфэй, который должен был дожидаться его возвращения в поместье князя в Ецзине, сам соберет провизию и лично привезет ее в Яньчжоу.

Он пристально взгляделся в Ань Чанцина и заметил, как сильно у того заострился подбородок, а под глазами залегли темные тени усталости. Лишь ясные, выразительные глаза светились прежней чистотой. Должно быть, все эти дни в пути с обозом он почти не отдыхал.

Сглотнув несколько раз подступивший к горлу ком, Сяо Чжигэ наконец обрел дар речи:

— Сначала... пусть господина Цзи проводят отдохнуть. А дело Ши Цзиньчжуна и вопрос с

провиантом обсудим завтра.

Ци Вэй все еще гневался и заколебался:

— Но как же провиант...

— Провиант прибыл, так пусть воины сначала наедятся от души, — глухо отозвался Сяо Чжигэ, не оборачиваясь. — Ци Вэй, проводи господина Цзи.

Ци Вэй с удивлением посмотрел на генерала, который с самого прихода вел себя до странности необычно, однако перечить не осмелился. Ему оставалось лишь пригласить Цзи Аньминя пройти в отведенные покои. Цзи Аньминь понимал, что супругам нужно поговорить наедине, и не хотел становиться помехой. Отвесив поклон, он последовал за Ци Вэем.

Когда все вышли, Сяо Чжигэ сделал шаг вперед и невольно протянул руку, желая коснуться его, но, заметив кровь на пальцах, опомнился — он ведь только что вернулся с поля боя, все руки в грязи и засохшей крови. Заставив себя отдернуть руку, он лишь глубоко и нежно посмотрел на него:

— Дорога была тяжелой. Ты очень устал.

— Угу, — тихо откликнулся юноша.

Прежде Ань Чанцин не чувствовал себя несчастным, но теперь, увидев его, обиженно поджал губы.

Когда в пути по реке его до тошноты укачивало, так что он не мог проглотить ни кусочка и пил лишь жидкий рисовый отвар, ему не было обидно. Когда сошли на сушу и поехали по горным дорогам, где экипаж трясло так, будто кости вот-вот рассыпятся, ему тоже не было обидно...

Но сейчас, узрев того, о ком неустанно тосковал, накопившаяся обида хлынула сдерживаемой плотиной. Состроив жалобную гримасу, он припал к груди Сяо Чжигэ и крепко обнял его за талию, сдавленно и сбивчиво жалуюсь:

— Это все ты виноват, не разрешал мне ехать в Яньчжоу! Каждый день доходили какие-то вести, не разберешь — правда или ложь, я даже спать толком не мог...

Сяо Чжигэ крепко сжал его в объятиях, уткнулся подбородком в макушку и, прикрыв глаза, глухо вздохнул:

— Да, все из-за меня. Впредь, куда бы я ни отправился, буду брать тебя с собой.

Ань Чанцин шмыгнул носом в его объятиях и тайком попытался вытереть слезы об его рукав, но лишь поморщился от ударившего в нос резкого запаха крови и снова недовольно буркнул:

— От тебя так дурно пахнет.

Однако, хоть и ворчал, он только сильнее прижался к нему, не выпуская из объятий.

В глазах Сяо Чжигэ мелькнула беспомощная нежность:

— Я не мылся уже дней пять или шесть, весь грязный.

Ань Чанцин тихо буркнул, прижимаясь еще крепче:

— А мне все равно.

Ладонь Сяо Чжигэ опустилась на его спину, мягко и успокаивающе поглаживая.

Они долго стояли так, крепко обнявшись, пока тоска от долгой разлуки наконец не утихла, и лишь затем неохотно отстранились друг от друга. Покрасневшие веки Ань Чанцина еще хранили следы слез. Смущенно отвернувшись, он спросил:

— Где ты живешь? Я сначала приведу себя в порядок, а потом расскажу тебе про Ецзин.

Вспомнив о происходившем в Ецзине, он насупился и с тревогой нахмурился:

— Больше провианта достать не удалось, только столько... Даже не знаю, надолго ли этого хватит.

Сяо Чжигэ уже обо всем догадался, а потому не стал торопить события. Обняв его за плечи, он потянул юношу к выходу:

— Не будем пока об этом. Сначала я отведу тебя в комнату, чтобы ты переоделся. Ты ел? Я велю приготовить и принести тебе немного каши. — На его лице проступило чувство вины: — Сейчас в городе не хватает еды, да и в поместье генерала нет ничего изысканного...

— Я не голоден, мне вполне хватит каши.

Переговариваясь вполголоса, они бок о бок шли к выходу. Стоило им дойти до дверей, как они увидели Ци Вэя, который с любопытством и азартом вытягивал шею. Заметив их, вице-генерал тут же поспешил навстречу и угодливо приветствовал:

— Генерал! Ванфэй!

Раньше он так и не сообразил, о каком таком «ванфэй» шла речь, но, выйдя наружу и полюбопытствовав у людей, наконец понял: тот белолицый и невероятно погожий молодой господин оказался супругом их генерала!

Хоть они и знали, что генерал, вернувшись в Ецзин, взял в мужья мужчину, никто из них его в глаза не видел. И лишь теперь выяснилось, что ванфэй не просто хорош собой, но и преодолел тысячи ли, чтобы доставить им провизию!

Да он же их настоящий спаситель!

И вот, после того как болтливый вице-генерал Ци разнес эту весть по всему округу, его отправили представителем — пригласить генерала с супругом на обед. Провиант прибыл, и командиры, несколько дней затягивавшие пояса от голода, наконец-то могли наехать от души.

Впрочем, главным для них было посмотреть, как выглядит ванфэй.

Взглянув на подчиненного, Сяо Чжигэ тут же помрачнел:

— Я разве не приказывал тебе устроить господина Цзи? Что-то еще?

То, как мгновенно изменился в лице генерал, вызвало у Ци Вэя невольное восхищение.

Вице-генерал Ци вжал голову в плечи и, преодолевая страх, улыбнулся:

— Так ведь редкий случай — провизия прибыла, да и победу одержали! Братья велели поварам приготовить кое-что получше и послали меня пригласить генерала и ванфэй...

— Не пойдем, — без колебаний отрезал Сяо Чжигэ и взмахнул рукой: — Ешьте сами. Но помните: Бэйди еще не отступили, так что никакого вина.

Лицо Ци Вэя скривилось в разочарованной мине, однако Сяо Чжигэ даже не взглянул на него и вместе с Ань Чанцином направился во внутренний двор.

Поместье генерала представляло собой старую усадьбу, оставшуюся от прежней династии. Оно было весьма просторным, но из-за отсутствия ухода за долгие годы приходило в запустение. Убран был только главный дом в центральном дворе, где Сяо Чжигэ изредка останавливался отдохнуть.

Слуг в поместье не водилось — лишь несколько солдат, несущих службу у ворот.

Раньше, когда Сяо Чжигэ жил один, он не придавал этому значения — все равно большую часть времени проводил в военном лагере, деля с воинами кров и пищу. Но теперь, когда приехал Ань Чанцин, он вдруг почувствовал, что не хватает буквально всего.

Однако сейчас шли тяжелые бои, и обставить дом за один день было попросту невозможно.

Зная о чистоплотности Ань Чанцина, Сяо Чжигэ сам принес деревянную бадью, наносил горячей воды и, проверив ее температуру, проговорил:

— В комнате нет жаровни, так что мойся быстрее, не то простудишься. Когда война закончится, купим все необходимое. А пока придется потерпеть.

Ань Чанцин не видел в этом ничего страшного. Яньчжоу — не Ецзин, и он приехал сюда вовсе не за роскошью и негой. Однако, взглянув на измученный вид Сяо Чжигэ, он снова нахмурился:

— Князь не станет мыться?

Сяо Чжигэ запнулся, а затем как ни в чем не бывало ответил:

— Мойся в комнате, а я помоюсь снаружи.

Но Ань Чанцин отчетливо помнил: Сяо Чжигэ только что упомянул, что горячая вода еще греется. Помыться снаружи наверняка означало окатиться холодной водой. Помедлив лишь мгновение, Ань Чанцин произнес:

— Не помыться ли князю вместе со мной?

Сяо Чжигэ споткнулся на ровном месте и, не оборачиваясь, пробормотал:

— Я весь в крови, мне одной этой бадьи даже на один раз не хватит.

С этими словами он стремительно выбежал прочь. Сколько Ань Чанцин ни окликал его, тот даже не остановился.

.....

Быстро вымывшись и переодевшись в чистое платье, Ань Чанцин отправился на поиски Сяо

Чжигэ.

<http://bllate.org/book/18381/1767697>